

повествование одновременно объективным и не похожим на список сданных в прачечную вещей, иными словами, как избежать Сциллы академической скуки и Харибды журналистской поверхностности.

Среди достоинств книги следует отметить ее взвешенность. Хотя задача восстановления исторической справедливости требовала посвятить львиную долю ее объема описанию именно нелицеприятных моментов жизни Сикорского, автор довольно тактично излагает участие Сикорского в политических процессах – например, деле сектантов-малеванцев или уже упомянутом деле Бейлиса – и даже такой острый вопрос, как сотрудничество Сикорского с Киевским клубом русских националистов. В результате перед читателем встает образ человека, у которого отсутствовал бытовой антисемитизм, но который успешно защищал расовую теорию с кафедры, – парадокс, как показывает Менжулин, типичный для эпохи Сикорского.

Другим биографическим сюжетам – роли Сикорского как одного из основателей детской психологии и психиатрии в нашей стране, сторонника женского образования и сексуального просвещения, борца за трезвость – повезло меньше. Возможно, что если бы этой стороне деятельности Сикорского было бы уделено больше внимания, дилемма антигуманизм–гуманность оказалась бы еще более острой. Как один и тот же человек мог с кафедры отстаивать идеи о биологически низших расах и отдать свой особняк под лечебницу для душевнобольных детей? Для ответа на этот вопрос автору стоило бы предоставить слово самому главному герою, обратившись, наряду с научными работами, к документам личного, исповедального характера. Пока же Сикорский-человек остается для читателя загадкой, и еще один «другой Сикорский» ждет своего открытия.

И.Е. Сироткина

Вавилов Ю.Н. В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. М.: ФИАН, 2004. 330 с.

Эта книга увидела свет через 60 лет после трагической гибели Николая Ивановича Вавилова (1887–1943) – отца автора – и более полувека спустя после безвременной кончины его дяди – Сергея Ивановича (1891–1951). Оба – академики, они были гордостью отечественной науки первой половины прошедшего столетия. Ушли из жизни почти все, кто трудился с ними бок о бок. Мало осталось и учеников. Воспоминания написаны, и вряд ли что-нибудь новое и значительное еще сможет быть восполнено памятью. Остается надежда только на какие-то до сих пор не пущенные в оборот документальные свидетельства или затерянные рукописи, когда-то написанные в стол. Отчасти все это присутствует в рецензированном труде.

Юрий Николаевич Вавилов всю сознательную жизнь находится в долгом поиске. Вероятно, сейчас трудно найти в России другого человека, который бы десятилетиями так последовательно, по крупицам, собирал по всему миру материалы о близких ему людях и в первую очередь об отце. Хорошо известна одна из особенностей человеческой натуры. Люди с возрастом обычно отчетливее помнят события, очевидцами которых они были в детстве и юности, и быстро забывают происходившее с ними в последние годы или месяцы. Тем ценнее детские и юношеские свидетельства автора, впервые опубликованные в книге.

Воспоминания начинаются с описания интерьера кабинета, а также библи-

отеки отца. Автор пишет о школьных друзьях, прочитанных книгах, экзаменах, устраиваемых ему отцом по глобусу, поездках с Николаем Ивановичем по Ленинграду, а также в совхоз «Красный Пахарь» и Детскосельское отделение Всесоюзного института растениеводства (ВИР), где находились селекционные участки института. В Детском Селе (ныне г. Пушкин) в домах опытной станции ВИРа ему часто приходилось проводить лето и зимние каникулы. Остались в памяти поездки в Москву.

Арест отца в августе 1940 г. явился тем Рубиконом, за которым осталась беззаботная жизнь ленинградского школьника. Жена Николая Ивановича – Елена Ивановна Барулина-Вавилова – уже тяжело больная, дважды ездила в Москву, чтобы попытаться вызволить мужа или, по крайней мере, что-нибудь узнать о его судьбе. В мае 1941 г. Юра с матерью на лето перебрались в Подмошье, в Ильинское. Елене Ивановне казалось, что так ей будет легче хлопотать за мужа. Семью Вавиловых приютили жена и родители известного отечественного генетика Г.Д. Карпеченко – коллеги и близкого друга Николая Ивановича по ВИРу, также арестованного. То, что Юра с матерью оказались в Москве, спасло их от гибели во время блокады, так как они вряд ли могли рассчитывать на эвакуацию вместе с ВИРом в Красноуфимск, – новое лысенковское руководство института едва ли стало бы помогать семье «врага народа». С большой теплотой автор вспоминает всю дружную семью Карпеченко, протянувшую им руку помощи в трудную минуту, особенно жену Георгия Дмитриевича – Галину Сергеевну, скончавшуюся несколько лет назад.

Завершаются воспоминания военными годами, проведенными в Саратове, где они жили вместе с семьями сестры и двоюродных братьев Елены Ивановны. Здесь, в Саратове, их разыскал Сергей Иванович, эвакуированный из Ленин-

града в Йошкар-Олу вместе с Государственным оптическим институтом, которым руководил. В Саратове Елена Ивановна и Юра жили благодаря денежным переводам, которые он им регулярно высылал.

Попытки устроиться на работу в Сельскохозяйственный институт Юго-Востока, где были знакомые ученые, для Елены Ивановны оказались безуспешными. Пенсию по инвалидности она как жена «врага народа» также не получала. По трагическому стечению обстоятельств, Николай Иванович, этапированный в середине октября 1941 г. из Москвы, был помещен умирать в 1-ю саратовскую тюрьму, находившуюся всего в 15 минутах ходьбы от дома, в котором проживали его жена и сын. Только после войны, в 1945 г., опять-таки благодаря стараниям Сергея Ивановича, им удалось вернуться в Ленинград.

Автор включил в книгу и не публиковавшиеся ранее материалы. Кроме воспоминаний в нее вошли выдержки из дневников, которые Юрий Николаевич вел во время посещений Индии, США и Великобритании, а также отдельные статьи, письма, тексты выступлений, архивные документы, фотографии. Другую группу составили материалы, ранее уже публиковавшиеся; некоторые из них были исправлены и дополнены. Все они, расположенные в хронологическом порядке, образуют три независимые части. Первые две из них посвящены Николаю Ивановичу Вавилову, третья – Сергею Ивановичу. Некоторые из опубликованных материалов переведены на английский язык.

В первой части книги, вслед за воспоминаниями, описываются поездки Ю.Н. Вавилова в дальнее зарубежье, его встречи с учеными: Дж. Хоуксом, эмеритус-профессором Бирмингемского университета, считавшим себя учеником Н.И. Вавилова, у которого он был в Москве в 1938 г.; профессором Поппенхаймером, членом Бостонской акаде-

мии. Его еще юношей Н.И. Вавилов принимал вместе с отцом в 1935 г. в Ленинграде в Институте растениеводства и в центральной генетической лаборатории в Детском Селе во время их визита в СССР для участия в Международном физиологическом конгрессе. Незабываемы встречи с представителями культуры, в том числе и выходцами из России. У С. Рериха он побывал в его усадьбе в Бангалоре (Индия). К нему Николай Иванович когда-то обращался с целью пополнения семенного фонда ВИРа. В США автор встречался с писателями А.М. Некричем и Э. Тополем, а также политическими и общественными деятелями этой страны: сенатором, будущим вице-президентом А. Гором, директором Библиотеки Конгресса Дж. Веллингтоном и другими. Цель этих поездок – сборы материалов о научных связях Н.И. Вавилова с зарубежными учеными, работа в архивах и поиск новых документов об отце, следов его научной переписки, а также согласование об издании основных трудов за рубежом и их подготовка.

Вторая часть книги, наибольшая по объему, целиком посвящена Н.И. Вавилову. Она содержит письма и выступления, архивные документы, связанные главным образом с последними годами жизни ученого, статьи о его научной деятельности и воспоминания о нем. Отдельная глава посвящена реабилитации имени ученого и его научного наследия в нашей стране. В рецензии трудно дать сколько-нибудь развернутый анализ того материала, который включен в эту главу, выручает то, что большая часть уже опубликована ранее. Выборочно остановлюсь лишь на том, что привлекло наибольшее внимание.

Очень интересен доклад «О состоянии научно-исследовательской работы и о повышении квалификации научных кадров», прочитанный в ВИРе в марте 1939 г. (с. 83–93). В нем, обстоятельно проанализировав работу ВИРа и его

опытных филиалов, Николай Иванович сформулировал генеральную линию в сельскохозяйственной политике, которой он придерживался в своей работе. Он понимал, что успехи сельского хозяйства зависят от качества семенного фонда. Для этого прежде всего требуется ясное представление об условиях обитания предков тех или иных сельскохозяйственных культур в регионах их происхождения. Отсюда, а не из желания попутешествовать, что ему часто вменялось в вину, нескончаемые экспедиции, имевшие своей целью сбор семенного материала и его последующее распространение в нашей стране в регионах, наиболее близких по природным условиям к условиям родины того или иного растения. Другое приоритетное направление – это помощь практике со стороны фундаментальной науки: использование генетики как инструмента для получения высоких урожаев с опорой на методы отдаленной гибридизации, преодоление бесплодия у гибридов и освоение методов, приводящих к увеличению массы и размеров семян. Н.И. Вавилов привел убедительные примеры успехов ВИРа в создании новых высокоурожайных сортов и разработке прогрессивных приемов агротехники. Однако он не мог соперничать с авансами и обещаниями Лысенко.

Впервые публикуется отчет о командировке в Америку (август 1932 – февраль 1933 гг.), хранящийся в фонде Президента РФ (в фонде Сталина). Составленный по классическим «академическим» канонам, с изложением задач командировки, ее условий, маршрута поездки, сведений о прочитанных докладах и лекциях, он содержит массу ценнейшей информации. Визит Вавилова на американский континент начался с США, где он участвовал в VI Международном конгрессе по генетике и селекции, проходившем в Итаке, вице-президентом и членом оргкомитета которого он был. Центральным вопросом на кон-

грессе был поиск, опираясь на генетику, оптимальных путей по внедрению в хозяйственный оборот новых типов животных и сортов растений.

Большой интерес для Николая Ивановича представляло посещение Канады, поскольку природные условия этой страны близки к условиям некоторых регионов СССР и перед ее сельским хозяйством стоят те же проблемы: относительно короткое лето, ржавчина, необходимость освоения северных регионов и соответственно выведения сортов с коротким вегетационным периодом и т.д. В Центральной и Южной Америке он анализировал общую оценку растительных ресурсов, установление районов концентрации сортового разнообразия в Перу и Боливии. На Тринидаде его внимание привлекли длинноволокнистые сорта хлопчатника. После посещения Аргентины Н.И. Вавилов сумел направить в СССР 440 пудов семян селекционных зерновых культур.

Вызывает глубокое сожаление, что многое из написанного Николаем Ивановичем безвозвратно утеряно. Часть рукописей и писем была уничтожена во время его пребывания в тюрьме, в том числе и все написанное в неволе. Бесследно исчезли или были преданы огню завершённые работы: «Борьба с болезнями путем внедрения устойчивых сортов», «Полевые культуры в СССР», «Растениеводство Кавказа (его прошлое, настоящее и будущее)». Не дошла до нас и рукопись большой книги «История развития мирового земледелия», написанная уже после ареста. Именно о ней Николай Иванович писал в своем заявлении на имя Л. П. Берии из саратовской тюрьмы (с. 104).

Задачи, которые поставлены в третьей части книги, со всей полнотой раскрыты в обстоятельной коллективной статье «Сергей Иванович – ученый и человек, взгляд с порога XXI века» (авторы: Б.М. Болотовский, Ю.Н. Вавилов, А.Н. Киркин). Впервые она опублико-

вана в 1998 г. в журнале «Успехи физических наук». Однако благодаря использованию новых документов и публикаций, обнародование которых стало возможным в последнее десятилетие, эта статья сейчас дана в дополненном и исправленном варианте. Более подробно изложена биография ученого, становление которого происходило в лабораториях крупнейших отечественных физиков – П.Н. Лебедева и П.П. Лазарева и в Берлине у специалиста в области люминесценции П. Прингсгейма. Внимание читателя акцентируется на двух аспектах: роли С.И. Вавилова в открытии излучения заряженных частиц, движущихся со сверхсветовой скоростью в жидкой среде, и его деятельности как организатора науки в период послевоенной разрухи. Сергей Иванович предстает человеком пунктуальным, внешне не спешившим, никогда не опаздывающим, но все успевающим. Как ученого его постоянно угнетало сознание того, что он практически лишен возможности заниматься научной работой, особенно экспериментальной, а также более активно участвовать в учебном процессе. Его основное кредо – академики должны руководить, но оставаться учеными, вести научную работу и при этом много читать. Как тяжело ему было нести свой крест, можно понять из его слов, адресованных летом 1950 г. племяннику: «Должность президента Академии собачья, и я променял бы ее на работу водопроводчика» (с. 270).

Его встречи в 1926 г. в Берлине с выдающимися физиками – А. Эйнштейном, Н. Бором, М. Лауэ, Дж. Франком, О. Ганом, Л. Мейтнер и возможности слушать их доклады оказали на становление С.И. Вавилова как ученого плодотворное влияние. Общение с настоящими или будущими Нобелевскими лауреатами не только расширило его кругозор, но и подготовило к выбору наиболее актуальных направлений теоре-

тической физики в нашей стране. Постановка и первые толчки в их развитии произошли во время его пребывания на посту президента Академии наук. Он весьма содействовал В.И. Векслеру в разработке принципов автофазировки, на основе которых работают современные ускорители. Только позиция властей не позволила этому ученому получить Нобелевскую премию, на которую его неоднократно выдвигали зарубежные коллеги. Большую поддержку Сергей Иванович оказывал Завойскому, Мандельштаму и Ландсбергу. Он был организатором и первым директором ФИАН, где уже при нем активно работало созвездие из 6 будущих Нобелевских лауреатов. На рубеже 1940–1950-х гг. судьбу генетиков и физиологов могли разделить и физики. Как президент Академии, он, по мере возможности, оттягивал проведение инициированного властями Всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики университетов и вузов. Спасая ученых от нездоровой обстановки, сложившейся в то время в МГУ и в некоторых других организациях, С.И. Вавилов сумел «перетащить» в ФИАН многих выдающихся физиков – Л.И. Мандельштама, Н.Д. Папалекси, Г.С. Ландсберга, И.Е. Тамма, В.А. Фока, М.А. Леонтовича и других. Заслугой Сергея Ивановича была поддержка опальных ученых, по разным причинам отстраненных от дел: П.Л. Капицы, С.М. Рытова, Е.И. Обреимова. О постоянной помощи семье погибшего брата уже писалось.

Ю.Н. Вавилов и соавторы очень убедительно раскрыли научные заслуги Сергея Ивановича. Это не только работы по люминесценции, ставшие уже классическими, и его теоретическое обоснование «нелинейной оптики», которой уже многие годы после его смерти посвящаются ежегодные конференции, носящие его имя. Из содержания монографии «Микроструктура света», вышедшей незадолго до его смерти, а

также из других последних публикаций ясно, что он был к началу 1950-х гг. идейно готов к открытиям, которым суждено было свершиться после его кончины, уже вслед за изобретениями лазеров, в области исследования нелинейных оптических эффектов, когерентности света, сжатого света, кооперативных оптических эффектов и т.д. (с. 254). Сергей Иванович по мере возможности защищал право на жизнь главнейших достижений мировой науки XX столетия – теории относительности и квантовой физики.

Заслугой С.И. Вавилова было и открытие целого ряда учебных заведений, например, Московского физико-технического института (МФТИ), в создании которого, наряду с П.Л. Капицей, он принимал большое участие. По его инициативе был организован Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ), играющий до сих пор роль связующего звена между отечественной и зарубежной фундаментальной наукой. Внес он вклад и в развитие гуманитарных дисциплин. Именно при нем начала издаваться серия «Литературные памятники», высочайшую оценку которой дал академик Д.С. Лихачев. Наконец, нельзя не отметить его особую роль в популяризации достижений науки, исследований по ее истории. Он сам принимал в этом непосредственное участие, создав блестящие переводы работ И. Ньютона.

С.И. Вавилову на посту президента Академии наук пришлось пережить две «научные сессии», которые, несомненно, приблизили его кончину. Они завершились разгромом генетики, а также павловской физиологии, долгое время отстаиваемой академиком Л.А. Орбели. Вот что по этому поводу писал ученик Сергея Ивановича академик И.М. Франк в статье, посвященной его столетнему юбилею. Эти строки повторены в рецензируемой книге (с. 318). «...все происходившее делалось по пря-

мому указанию Сталина. Сергей Иванович, конечно, понимал, что изменить ситуацию невозможно. При этом просто ученый мог говорить так, как подсказывала ему совесть, обрекая опасности гонений прежде всего только самого себя. Но Сергей Иванович стоял во главе всей науки. Именно чувство ответственности за нее лишило его выбора. Если бы назначенный президент выступал против Лысенко, т.е. по существу против воли самого Сталина, то это, вероятно, было бы расценено как вражеская вылазка, причем не только Вавилова, но и всех ученых, которых он представлял. Страшно подумать, какой удар мог быть нанесен тогда науке. С.И. Вавилов мог жертвовать собой, и, в сущности, он это делал (ведь жить ему оставалось менее трех лет), но ставить под удар всю науку и других ученых для него было неприемлемо. Все, что он делал ради науки и ученых, вызывает у наших современников искреннюю признательность». Эти строки были написаны И.М. Франком в 1990 г. – сорок лет спустя после смерти С.И. Вавилова.

Читая книгу, чувствуешь накал многих ее страниц. Все ее главные персонажи, а их пять: отец и дядя автора, его мать, старший брат и он сам – фигуры по-шекспировски трагические. Николай Иванович, отлученный от науки и общества. Находясь в тюрьме, он подвергался ежедневным многочасовым допросам следователя Хвата и добирался до нар ползком. Сергей Иванович ничего не знал о судьбе брата до его гибели. Не сумел дожить он и до дня снятия с Николая Ивановича всех обвинений. В то же время на заседаниях Президиума Академии наук, которые Сергей Иванович периодически проводил, он видел Т.Д. Лысенко – одного из главных виновников гибели Николая Ивановича, о чем он прекрасно знал. Елена Ивановна Барулина-Вавилова, как и сын, пребывала в долгом поиске до конца жизни. Доктор наук, она рано стала ин-

валидом и была вынуждена прекратить работу еще до ареста мужа.

В ряде статей, в том числе опубликованных и в этой книге, Ю. Н. Вавилов уделяет много внимания разъяснению гражданской позиции Николая Ивановича. Он рассматривает мотивацию его поступков, касающихся как коллег, так и отстаивания собственных научных взглядов. По существу это его взвешенный и жесткий ответ на обвинения отца в конформизме, которые нет-нет да проскальзывают в печати. Здесь я полностью солидарен с Ю.Н. Вавиловым. Конечно же, Николай Иванович не был конформистом, если под конформизмом понимать некий моральный или морально-политический термин, свидетельствующий о приспособленчестве, пассивном принятии существующего порядка, господствующих мнений и пр. И примеров тому множество. Абсолютное большинство конформистов 1930-х гг. стремилось в партию, однако принимали туда далеко не всех. Николай Ивановича, будь на то его воля, непременно бы приняли, однако он оставался беспартийным. Показателен и его ответ Жану-Анри Морэну – корреспонденту парижской газеты «Пари Миди» (февраль 1933 г.), опубликованный в книге (с. 171): «В Европе вы всегда говорите о правительстве. В России, даже в царское время мы говорили о государстве. В 1916 году я уже был на государственной службе. Это верно. Как ассистент профессора. Я остался на службе у государства, русского государства, государства моей родины». Николай Иванович при всех обстоятельствах был патриотом своей страны. Это следует из его переписки с учеными (см.: *Вавилов Н.И. Научное наследие в письмах. Международная переписка. М.: Наука, 1994–2004. Т. 1–6*), свидетельств зарубежных ученых, появившихся в печати уже после его смерти, и, наконец, из заявления, адресованного Л. П. Берию, также опубликованного в рецензируе-

мой книге (с. 102–104). В апреле 1942 г. из саратовской тюрьмы он писал: «Все мои помыслы – продолжить, завершить достойным для советского ученого образом большие недоконченные работы на пользу советскому народу, моей родине. Во время пребывания во внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получить бумагу и карандаш, мною написана большая книга “История развития мирового земледелия”». И далее: «Мне 54 года, имея большой опыт и знания, особенно в области растениеводства, свободно владея главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив полностью отдать их моей родине, умереть за полезной работой для моей страны... я был бы рад в трудную годину для моей родины быть использованным для обороны страны по моей специальности растениевода в деле увеличения растительного, продовольственного и технического сырья». Отношения Николая Ивановича с властью строились на принципах консенсуса, своего рода, согласования (но не соглашательства!). Это позволяло ему наиболее успешно решать поставленные им самим же задачи фундаментальной науки и их практического применения. Близкий подход в отношениях с властью был и у С.И. Вавилова, который прикладывал поистине титанические усилия для развития главнейших направлений физики и сохранения научных кадров.

Рассмотрев достоинства книги, я хотел бы остановиться и на некоторых ее недостатках. Главный из них – неоднократные повторения одной и той же информации, зачастую теми же самыми фразами. В книге прекрасные иллюстрации, однако в дополнение к ним хотелось бы видеть фотографии единомышленников Н.И. и С.И. Вавиловых, их учителей и коллег: Д.Н. Прянишникова, профессора П.Н. Лебедева, П.П. Лазарева, Е.В. Вульфа, Н.М. Тулайкова и других. Кроме того, в любой работе би-

ографического плана более целесообразно все комментарии и примечания поместить в заключительном разделе, дав сплошную нумерацию всем отсылкам, с соответствующими указаниями на страницы.

Подводя итог, попытаемся еще раз сравнить и взвесить то, что оставили после себя братья Вавиловы и их антипод – «народный академик» Т.Д. Лысенко.

Исключительно благодаря Николаю Ивановичу в России существует крупнейшее в мире хранилище семенного фонда. Если при аресте ученого в 1940 г. в ВИРе было около 200 000 единиц хранения, то сейчас их порядка 350 000. Фонд объединяет материалы, предназначенные для отправки потребителю, собрание более длительного хранения и, наконец, золотой неприкосновенный фонд, где сосредоточен наиболее ценный репродукционный материал. Сюда же входят и семена тех растений, которые погибли или были утрачены в других регионах земного шара. Ценность всего собранного многократно возросла после расшифровки структуры ДНК большинства культурных растений, а также возможности, по существу, бессрочного хранения семян, годных для репродукции, при их помещении в жидкий азот. Были случаи, когда ВИР отправлял семена на историческую родину, откуда их привез Н.И. Вавилов. После недавней катастрофической засухи в Эфиопии погибли все посевы, и семенному фонду этой страны был нанесен непоправимый ущерб. По запросу из Эфиопии ВИР отправил туда посылки.

По инициативе Н.И. Вавилова в предвоенные годы в системе ВАСХНИЛ была создана сеть научно-исследовательских институтов и опытных станций. Он же – основатель и первый директор ВИРа, а также Института генетики АН СССР. Николаю Ивановичу принадлежит роль основоположника современных научных основ селекции,

учения о мировых центрах происхождения культурных растений. Вкладом в фундаментальную науку было создание им учения об иммунитете растений к инфекционным заболеваниям. Он впервые сформулировал закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, раскрывший одну из важнейших закономерностей эволюции.

Вклад С.И. Вавилова прежде всего заключается в организации отечественной науки в трудные годы послевоенного восстановления страны. Можно с уверенностью говорить, что он стоял у истоков нашего ракетостроения. Входя в комиссию по проблеме урана, наряду с В.И. Вернадским, И.В. Курчатовым, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капицей и другими, Сергей Иванович был инициатором создания при Президиуме Академии наук ученого совета, координирующего работу академических институтов по изучению атомного ядра и атомной энергии. Тем самым он имел прямое отношение к начавшейся разработке ядерного оружия. Долгие годы С.И. Вавилов был основным научным авторитетом в стране в области физической оптики и люминесценции, являлся научным руководителем экспериментальных работ своего аспиранта – П.А. Черенкова. Хорошо известно, что они завершились открытием «эффекта Вавилова–Черенкова». Только преждевременная кончина не позволила Нобелевскому комитету включить Сергея Ивановича в список лауреатов вместе с учеником.

За Т.Д. Лысенко остается некоторый вклад в «революционную теорию яровизации и внутривидовое скрещивание», пионером которых он по сути не был. Главные же его «заслуги» – это тысячи загубленных жизней, отлучение от работы и возможности заниматься наукой

оставшихся в живых ученых и профессионалов только за то, что они были к нему в оппозиции, разгром фундаментальной науки – генетики, – которой он после Николая Ивановича взялся управлять. От его управления эта наука до сих пор полностью не оправилась. Он с успехом для себя втирал очки вождю «ветвистой пшеницей», «сырьевой базой натурального каучука», идея которых принадлежала также не ему, и «стерневыми посевами озимой пшеницы» в Сибири. Т.Д. Лысенко был одним из тех, чьими стараниями страна более чем на полвека села на «хлебную иглу», превратившись из экспортера в импортера зерна. Академик, не создавший школы, не имевший учеников, а только «последователей» (по образной реплике академика Д.Н. Прянишникова в студенческой аудитории «Тимирязевки»), он в то же время нанес колоссальный урон школьному и вузовскому образованию.

Рецензируемая работа особенно актуальна в наши дни неприкрытого гонения на фундаментальную науку, ее финансового ограничения и расчетов рентабельности в процентах, рублях и долларах, и забвения того факта, что только эта наука формирует мировоззрение и определяет место, занимаемое той или иной страной в мировом сообществе. Николай Иванович сложил голову, отстаивая генетику. В наши дни отличия в подходах к фундаментальной науке в стране, к сожалению, только в том, что в середине прошедшего столетия ее стремились задушить политически, а сейчас – экономически. Итоги этого могут быть самыми плачевными. Похоже, власть имущие опять наступают на те же грабли.

М.А. Ахметьев